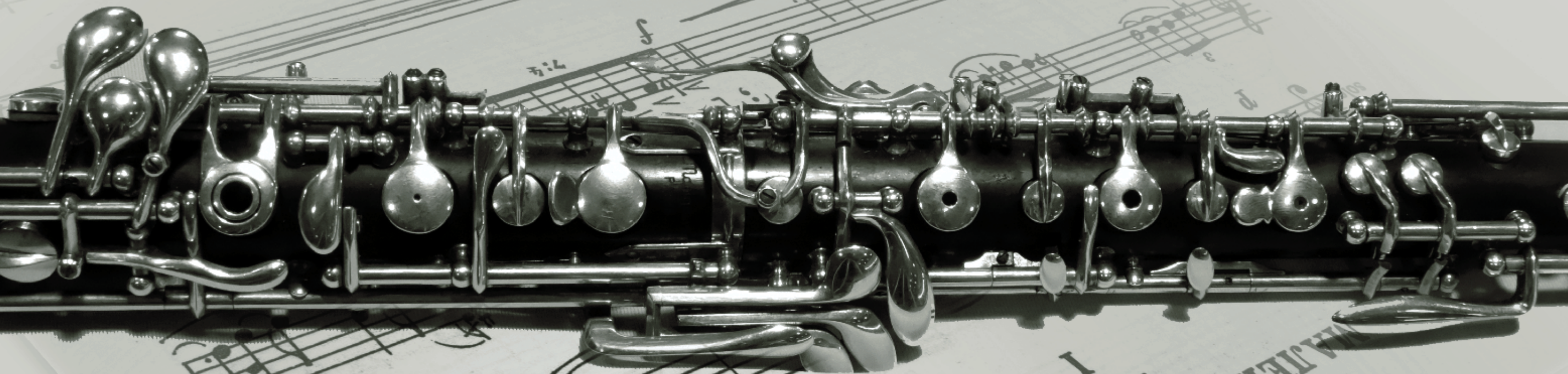

Глава вторая

Гобойных дел мастер

Chapter 2

Master of the Oboe Trade

Александр РАСКАТОВ

В. Лычаев
[1975]
ТРИТИХ
1

Александр Чайковский

композитор
народный артист РФ

Мы со Славой не могли вспомнить точно, когда познакомились. Разумеется, это было в Московской консерватории, думаю, где-то в 1972–1974 гг. – Слава играл в студенческом оркестре, а я несколько раз выступал с ним.

Но однажды я пришел в Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко и там встретил Славу. Оказалось, что его взяли в оркестр театра на 1-й гобой (а потом я слышал, как дирижер театрального оркестра рассказывал, что у них роскошный 1-й гобой, каких раньше не было).

Какое-то время мы не виделись, но в 1979 году, приехав в Ленинград, тогда еще в Кировский театр, где ставили мой балет «Ревизор», в зрительном зале на репетиции я увидел Славу. Вдруг – Слава! Здесь, в Кировском! Оказывается, он поступил в оркестр театра и переехал из Москвы в Ленинград. Для меня это был сюрприз и подарок судьбы. Как же он мне тогда помог! Огромный театр – сложнейшая и оригинальная машина. Мне, мальчишке, чужаку, да еще из Москвы, приходилось очень трудно, и Слава это прекрасно понимал и тактично помогал мне: объяснял, рассказывал, знакомил, кормил, наконец!

Много лет спустя, когда я сам уже жил в Петербурге, как-то вечером позвонил Слава и поинтересовался, могу ли я подойти к памятнику Римскому-Корсакову? Я подумал: странно, почему к памятнику, а не к нему домой? А они тогда с Леной, его чудесной женой, жили в доме на Театральной площади. Но, конечно, оделся (дело было поздней осенью, и уже лежал снежок) и пошел. Подхожу и вижу: у памятника Николаю Андреевичу разложен красный пирог с брусникой, стоят рюмочки, и Слава с Леной наливают мне. Оказалось, что я забыл о его дне рождения, и они решили, что мы должны выпить у памятника великому композитору. Какое же это было изумительное дело! Мы пили за Славу и Лену, за Римского-Корсакова и еще за многое, а потом перешли на другую сторону Театральной площади, к памятнику Глинке. И за него тоже выпили. Вечер был чудесный, тихий. Струящийся снег и легкий морозец подбадривали наше чувство восторга, а Лена подносила все новые партии вкуснейших пирожков. Так мы и справили Славин день рождения. Замечательно! Весело! На всю жизнь запомнили!

Он был выдумщиком на такие веселые штуки. Он был выдумщик и в искусстве. В его голове все время бродили идеи, и часто очень серьезные, интересные и точные. Он вообще очень много знал,

Alexander Chaikovsky

Composer
National Artist of Russia

Slava and I couldn't remember when exactly we first met. It must have been sometime between 1972 and 1974, while we were at the Moscow Conservatory. Slava played in the student orchestra, and I performed with him a few times.

But I do remember the time I came to the Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko Moscow Music Theatre and saw Slava there. It just so happened that he was playing first oboe in the theatre's orchestra at the time—later on I heard the conductor raving about his first oboe, saying that he'd never had one like Slava before.

We didn't see each other for a while after that, but in 1979 I came to what was then known as the Kirov Theatre in Leningrad, where we were going to perform a ballet adaptation of Gogol's *The Inspector General*, and I saw Slava in the audience during one of our rehearsals. Slava, right there, at the Kirov, imagine that! It turned out that he'd moved from Moscow to Leningrad to join the theatre's orchestra. This was a real surprise, and I felt that fate had been kind to me. He was a huge help! An enormous theatre like the Kirov is an incredibly complex machine, and no two are alike. Being an outsider, and a Muscovite to boot, I struggled, to say the least. Slava understood that, and he was sympathetic, always willing to help me out, explaining things with great tact, showing me the ropes, introducing me to everyone, and even feeding me!

Many years later, after I'd already settled down in Petersburg, Slava called me up one evening and asked if I could head over to the Rimsky-Korsakov monument. I thought to myself, “huh, that's odd. I wonder why he didn't just invite me over to his place?” At the time, he and his wonderful wife Elena lived nearby, down the street from Theatre Square. Well, I put on some extra layers (it was late fall and there was already a fresh dusting of snow on the ground) and headed out. I walked over there and the first thing I saw was a red lingonberry pie and a few glasses on the pedestal of the great composer's monument. Slava and Elena were already filling one for me. I had completely forgotten about his birthday, and they'd decided that this was exactly the right place for a celebratory drink. We had quite a great little shindig that night! We drank to Slava, Elena, Rimsky-Korsakov, and quite a few other things, and then we went over to the Glinka monument on the other side of Theatre Square and drank to him too. We had an amazing, low-key evening. The snow streaming down on our faces and the brisk air only fueled our excitement,

причем из совершенно неожиданных областей, много читал и иногда ставил меня в тупик своими разносторонними познаниями.

Он всю жизнь интересовался современной музыкой. Не помню нашего разговора, когда бы Слава не спрашивал о новостях, молодых композиторах, последних концертах. Он был ярким пропагандистом современной музыки, ему просто она нравилась – любил для себя открывать в ней что-то интересное и необычное. Это такое редчайшее качество!

На гобое Слава играл виртуозно, обладая великолепной техникой и отточенной фразировкой. У него он звучал очень ровно во всех регистрах. Эдисон считал Славу выдающимся гобоистом – он играл премьеру «Концерта для гобоя и флейты» Э. Денисова на фестивале «Московская осень». А о своем инструменте Слава знал все. Однажды он дал мне лекцию о гобое с иллюстрациями всевозможных приемов игры и разных ухищрений. Это был профессионал экстра-класса и великолепный ансамблист! Можно послушать запись септета Гавриила Попова, чтобы убедиться в этом. Когда мою «Фантазию для гобоя» играл в ФРГ знаменитый немецкий гобоист Э. Гюттнер, звезда и профессор, все было очень здорово, только я подумал, что сюда бы еще и звук Славы Лупачёва.

Слава внутренне был человеком скромным, иногда даже слишком, человеком ранимым (это уж не совсем к нашим дням). Он вообще был природным интеллигентом – в лучшем смысле этого слова, обходительным (такое забытое ныне качество), контактным, вежливым – с людьми незнакомыми и веселым, и остроумным – с друзьями. Но самое главное, несмотря на то, что, будучи абсолютно современным, воспитан он был еще той, русской культурой, с выдающимися представителями которой он встречался в молодости, учился у них: Д. Ойстрах, С. Рихтер, М. Ростропович, Е. Мравинский, Л. Коган, Т. Хренников, Б. Тищенко, Р. Щедрин и другие гиганты. И никогда не позволял себе переступить черту этой связи (он бы перестал уважать себя) – и всеми силами боролся за высоту российской культуры и русской музыки.

Он очень любил Мариинский театр. Сжился с ним совершенно. Может быть, когда-то надо было уйти, начать свое дело с нуля... И я знаю, ему поступали предложения. На мой взгляд, он мог бы быть идеальным руководителем крупного музыкального учреждения, театра, вуза, большого международного фестиваля, связанного с современной му-

and Elena kept producing batch after batch of her delicious miniature pies. What an incredible way to celebrate a birthday! It was an unforgettable experience!

Slava was always coming up with wacky stuff like that. He brought that same sensibility to art. All kinds of serious and interesting ideas were always brewing in his head—and they would often come out fully-formed. He read so much and so broadly that his erudition in unlikely areas sometimes really threw me for a loop.

His interest in contemporary music was lifelong. All of our conversations would drift back towards the latest pieces by young composers, the latest concerts, and the latest news. He promoted contemporary music fervently; he just really liked it—and he especially loved discovering interesting and unusual pieces, which is an incredibly rare quality these days!

Slava played the oboe with true virtuosity; he had astonishing technical proficiency and a keen sense for phrasing. He played on an even keel in every register. Edison Denisov regarded Slava as an outstanding oboe player, and he was delighted to have him play the premiere of his *Concerto for Oboe and Flute* at the Moscow Autumn Festival. Slava knew everything there was to know about his instrument. He even gave me an extensive lecture on the oboe once, demonstrating all the different ways it could be played and showing me all sorts of tricks. He was a first-class professional and an excellent ensemble player! You don't have to take my word for it—just listen to a recording of Gavriil Popov's septet. When E. Guttner, the star German oboe player and well-regarded professor, performed my *Fantasy for the Oboe*, I couldn't help but think that Slava Lupachev would have been just the man to put the finishing touches on what was already a great show.

Slava was modest, sometimes to a fault, and sensitive, which couldn't have been easy; you have to be thick-skinned in today's world. He was a gentleman in the best sense of the word, remarkably courteous (another thing you don't see much nowadays), sociable, polite to strangers, cheerful and witty with his friends. He was also astoundingly progressive, however, despite being raised on the values of classical Russian culture. He met and learned from many of Russia's musical giants while he was growing up, such as D. Oistrakh, I. Richter, J. Rostropovich, E. Mravinsky, L. Kogan, T. Khrennikov, B. Tishchenko, and R. Shchedrin. He never lost his connection with those roots (he would have viewed that as betraying who he

В. Лупачев, М. Ростропович
B. Lupachev, M. Rostropovich

Концерт на фестивале «Московская осень» (Э. Денисов, А. Корнеев, В. Лупачев)
Concert at the Festival «Moscow Autumn» (E. Denisov, A. Korneev, B. Lupachev)

зыкай и молодыми музыкантами (какого в нашей стране, увы, так и нет). Не мог и не хотел. Вполне вероятно, он был прав. Мариинка стала ему родным домом.

Многое, что хотел, он не успел сделать, но воспитал двух прекрасных сыновей – Дениса и Дмитрия. Денис стал великолепным флейтистом, а Дима – отличным кларнетистом. Свои дома и деревья Слава построил и посадил.

Для меня Слава сделал очень много. Как же он мне помог! И при постановке «Ревизора», и заставил вспомнить ремесло пианиста – сколько бы я ни сыграл концертов, написать «Фантазию для гобоя», сколько придумал программ новой музыки, разных дельных идей мне предложил! И как много приятных часов провели мы с ним в наших домах. Хотелось бы больше. Иногда не виделись подолгу. Он всегда с неподдельным интересом спрашивал о моих новых работах. Не все услышал. Все думали: вот соберемся и послушаем. И не успели...

was), fighting tooth and nail to keep Russian culture and Russian music flying high.

He absolutely loved the Mariinsky Theatre; it was a part of him just as much as he was a part of it. Maybe he should have gone out on his own... I know for a fact that he had been offered other opportunities. In my opinion, he would have done a terrific job at the head of some large, world-renowned musical institution, theatre, university, or large, international-scale festival of contemporary music or up-and-coming musicians (we didn't have any festivals of that kind in our country, unfortunately), but he just couldn't do that to the Mariinsky Theatre. Nor did he want to, for that matter. He often said that the Mariinsky Theatre had become like a second home to him, and there was a great deal of truth to that.

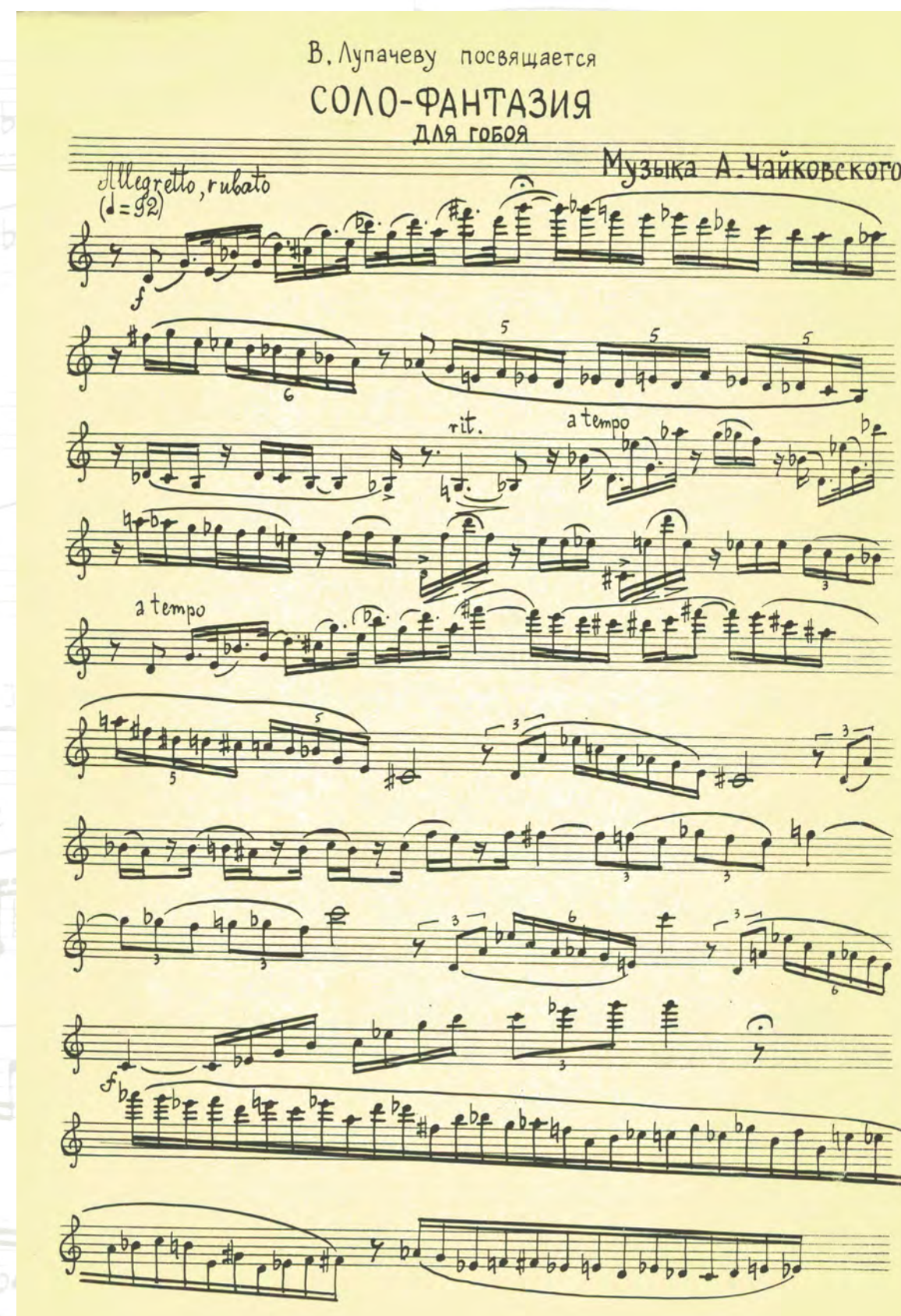
He didn't have the time to accomplish everything he wanted to, but he did manage to raise two incredible sons—Denis and Dmitry. Denis became a fantastic flute player, and Dmitry is an excellent clarinet player. Slava left behind a legacy that will last.

Slava did a lot for me. You can't even imagine how much he helped me over the years! He helped me stage our version of *The Inspector General*, improve my skills as a pianist (despite how many concerts I had already played) and write my *Fantasy for the Oboe*. He came up with so many new musical programs and workable, practical ideas! We had so many memorable evenings at each other's houses. I wish we'd had more time. Sometimes we wouldn't see each other for a while. He always took a genuine interest in my new projects—but he hadn't heard about the latest one. We all thought that we'd be getting together soon enough, but we never had the chance...

Слава, самый
славный из нас
Кировский, прекрасный
от его нежности
Слава - Мариинка
В доме с тобой
Башмет, талантливый
не сомневайся в этом
Ю. Башмет

А. Чайковский, Ю. Башмет (друзья по консерватории)
A. Tchaikovsky, Yuriy Bashmet (Conservatoire friends)

А. Чайковский. Соло-Фантазия для гобоя. В. Лупачеву посвящается
A. Tchaikovsky. Fantasy for Oboe (solo). Dedicated to V. Lurachev

Музыканты оркестра Мариинского театра

Григорий Волобуев

(кларнет)

Слава сразу стал солировать в оркестре, приехав из Москвы и поступив в Театр оперы и балета имени Кирова, когда художественным руководителем и главным дирижером был Юрий Темирканов. Известно, что Ленинград и Москва всегда конкурировали: в Питере школа была более певучая, а в Москве – более технологичная. Поначалу музыканты приняли «москвича» с осторожностью – авторитет приходилось завоевывать. И он его завоевал.

Когда слышишь его исполнение, понимаешь, что это настоящий музыкант, гобоист-профессионал. Он играл Шнитке, Денисова, Щедрина. В свою очередь, Слава был поражен качеством нашей игры, особенно духовиков. И все говорил: «Ребята, вы так виртуозно играете, но почему вы «спите» здесь?». Он всегда пытался расшевелить людей, ведь мы, действительно, только приходили на работу и уходили с работы, у нас, по выражению одного нашего коллеги, была «семейная усыпальница», а в Москве тогда любой студент консерватории на халтурах мог зарабатывать тысячу долларов...

Слава был очень деятельный человек, и мы все по-хорошему завидовали его деловым качествам. Представить себе новейшую историю Мариинского театра и оркестра – как главной единицы этого организма – невозможно без Славы, ведь он был у истоков подъема и вхождения коллектива в мировую музыкальную сеть, где в основном знали «Киров-балет», а вот о «Киров-опере» и об оркестре еще не ведали. Теперь все по-другому. И Слава имеет к этому прямое отношение: он это место заслужил – право быть помощником Валерия Гергиева. С таким человеком, как Гергиев, который продвигает свои идеи весьма упорно, нужно много трудиться. И Слава трудился: организовал камерный ансамбль, участвовал в концертах – и все это получило достойное развитие. Постепенно отношение к нему стало самое уважительное.

Все люди делятся на две категории: тех, кто успевает все, и тех, кто ничего не успевает. Слава успевал все. И в сегодняшнем статусе, которого добился коллектив, есть его большая заслуга. Я с юмором говорил, что в стране есть слава КПСС, в мире музыки – Слава Ростропович, а у нас – Слава Лупачёв.

Musicians from the Mariinsky Theatre Orchestra

Grigory Volobuev

(clarinet)

Slava became a soloist as soon as he arrived from Moscow. He joined the Kirov Ballet and Opera Theatre when Yuri Temirkanov was the artistic director and chief conductor. There has always been a rivalry between Moscow and Petersburg—the Petersburg school has more artistic flair, while the Moscow school is more focused on technique. Our musicians were wary of the newcomer from Moscow at first—but he soon earned their respect.

As soon as you heard him play, you realized you were dealing with a true musician, a first-class oboe player with extensive experience; he had played Schnittke, Denisov, and Shchedrin. Slava, in his turn, was stunned by the quality of music we produced, especially on the woodwinds. He'd always say, "guys, you're an amazing bunch of musicians, so why aren't you putting yourselves out there?" He was always trying to get people moving; after all, we'd just log our hours at work and never play anywhere else. We were just shut up in there, not doing anything; it got so bad that one of our colleagues called our theatre the "family crypt." Worse still, this was at a time when any conservatory student in Moscow could make a thousand bucks a month doing all kinds of side gigs...

Slava was a real go-getter, and we were all envious of his work ethic, in a good way, obviously. It's impossible to imagine the Mariinsky Theatre and its orchestra—the most indispensable part of this living and breathing institution—without Slava's contributions. He spearheaded the theatre's rise to world-class status; mostly, people had heard of the Kirov Ballet, but they had no idea the Kirov opera or orchestra even existed. Now things are very different, and Slava was directly involved in making that happen. He had truly earned his place as Valery Gergiev's right-hand man. You have to work hard alongside a person like him; he is famously tenacious in how he promotes his ideas. Slava did work hard—he coordinated the chamber ensemble and took part in concerts—and his colleagues have followed through to expand on his projects. Over time, he earned deep respect from all of us.

People can be divided into two categories—those who have time for everything and those who don't have any time for anything. Slava was the former. One can largely attribute the theatre's rise to its current status to him. Since his name is the same as the Russian word for "glory," I'd always joke that there are three Slavas in our country—glory to the Communist Party, Slava Rostropovich, and our own Slava Lupachev.

ОРКЕСТР ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА им.С.М.КИРОВА 1983

ГОБОИ

1 ряд: Гусаков Б.Н. Поляков З. Лупачев В.И.
2 ряд: Хуссу В.П. Хохолков Е.Ф. Цес А.Г.

Оркестр театра оперы и балета им. С.М. Кирова
Kirov Opera and Ballet Theatre Orchestra/Kirov Orchestra

Валентин Капустин

заслуженный артист РФ
(фагот)

Я хорошо помню, когда Слава, переехав в Ленинград, поступил к нам в оркестр, и как он «завоевывал» свое место солиста – он беззаветно, самозабвенно трудился и всегда был благодарен музыке, как он признавался, за то, что она дает ему жизнь.

Со временем его музыкальное творчество сменила менеджерская, организаторская работа, и тогда мы стали реже видеться, но на нашей дружбе это не отразилось. Он всегда был душой компании, не зазнавался, не отрывался от друзей, с ним вообще-то не соскучишься – веселый, остроумный. Как-то мы летели в Австралию и дозаправлялись на одном из островов, в это время Слава откуда-то вынул литр мутного самогона со словами: «Тёщенька его мне дала», который мы тут же употребили. Подлетаем к Мельбурну – встречает нас строй пожарных машин и скорой помощи. Оказывается, при взлете с острова наш самолет, сбив фонари, повредил шасси. Но пилоты так посадили машину, что мы не заметили, как приземлились, хотя риск был большой – могли бы и разбиться, но пассажиры об этом не догадывались. Все закончилось благополучно. Слава шутил: «А знаете, почему? Потому что у нас с собой было»...

Вспоминаю о гастролях в Монпелье. Мы жили в апартаментах, но не пользовались ни рестораном, ни кухней – экономили суточные, поэтому готовили в номерах. И вот я сварил борщ, пришел Славка – «язык на плече»: он так набегался, что быстренько поел и, от усталости рухнув на диван, сразу заснул. Но после не забыл поблагодарить: мол, этот борщок спас его от голода...

А еще он умел произносить прекрасные тосты. И как-то однажды Слава сказал: «Валя, Валюшка, я тебе такое на похоронах скажу!». «Теперь я спокойно могу помирать», – в тон ему ответил я. Но получилось наоборот...

Он всегда оставался для нас Славой, Славкой – настоящим другом.

Valentin Kapustin

Honored Artist of Russia
(basoon)

I distinctly remember when Slava moved to Leningrad to join our orchestra and how his unrelenting, wholehearted work earned him a spot as a soloist. He valued music for its ability to invigorate him.

Later in his career, his own music took a back seat to administrative work, which meant we wouldn't see each other as often, but that didn't affect our relationship in the slightest; he always stuck by his friends. He was always the life of the party but he never showed off. He was a riot! I remember flying to Australia one time and we had to refuel on one of those islands along the way. Slava conjured up a liter of murky moonshine, saying "my mother-in-law treats me right." We polished it off right away. A brigade of fire trucks and ambulances were lined up on the runway in Melbourne, because it turned out that our airplane had taken some damage to its landing gear when it clipped some lampposts taking off from the island. The pilots managed to land—it was actually a close call, but we didn't find out until afterwards. Later Slava joked, "you know why everything was alright? Because I know how to pack for a long trip!"

I have fond memories of Montpellier. They put us up in a nice hotel. We decided to save our food stipend by cooking right there in our rooms instead of going out. We didn't have kitchens, so we used our heads—you'd be amazed what you can do with a bathroom sink and a hotplate. One day I made some borsch. When Slava came back, completely wiped out from running around all day, he devoured it, collapsed on the couch, and conked out, but he didn't forget to thank me afterwards: "your borsch saved my life..."

He also had a knack for giving great speeches. Slava once said to me at a party:

"Valery, old pal, I'm going to give a barnburner of a eulogy at your funeral."

"Now I can die in peace," I quipped back. But it wound up being the other way around...

He was always just Slava to us, our Slava, a true friend.

Оркестр театра оперы и балета им. С.М. Кирова. Дирижёр – В. Гергиев
Kirov Opera and Ballet Theatre Orchestra/Kirov Orchestra. The conductor – V. Gergiev

Александр Трушков

заслуженный артист РФ
(гобой)

Слава приехал из Москвы, где жил в общестии, и его окрестили «дипломатом», потому что он умел легко общаться, сглаживая острые углы, анализировать и видеть цель – в наш оркестр посторонние и недостойные люди не попадали. Мне он всегда помогал. Это сейчас Мариинский театр – большой конгломерат, создающий массу спектаклей, а тогда одна-две постановки – уже событие. А когда мы открывались «Евгением Онегиным» в Земпер-опере в Дрездене, я удивлялся его спокойствию, «технологической» прочности – недаром он много играл по молодости. В «Евгении Онегине» есть знаменитая сцена письма. «Не знаю, как начать», – поет Татьяна. И на нотах у нас в шутку написано: «И я не знаю». Ведь приходится брать слишком низкую ноту – до диез. И этот «кикс» (неудачный удар кием по бильярдному шару) равносильно расстрелу. Тут нужно иметь крепкие нервы и опыт – у Славы они были...

Слава был настоящим музыкантом-профессионалом, обладающим красивым звуком, виртуозной техникой, знанием камерного, оперного, симфонического репертуара, одним словом – энциклопедистом. Ему часто звонили – спрашивали о чем-то, советовались, полагаясь на его опыт.

Чисто по-человечески, на него всегда можно было рассчитывать: если что-то пообещает, то обязательно сделает.

Вспоминаю, как он очень-очень дорожил нотами. Однажды пригласил меня к себе – решил подарить свои ноты. Я начал перебирать их, с интересом рассматривая, и был поражен – масса нот написана его рукой.

Мы столько лет находились под его прикрытием, а он был один, и порой мне казалось, что ему не хватало оркестра. Как-то Слава позвонил мне (он тогда уже не играл на инструменте) и сказал, что едет к уважаемым людям – им подарки дарить не интересно, их ничем не удивить, но он все-таки хочет сделать сюрприз – сыграть на гобое. «Дай мне гобойчик», – попросил он. Я отдал, он съездил, сыграл концерт Чимарозы, хотя и давно не занимался, но такая была его природа: садится и... фигаичит, и все в порядке. Он был настоящим мастером гобойных дел.

Alexander Trushkov

Honored Artist of Russia
(oboe)

Slava moved from Moscow, where he had been living in a dorm, and we promptly nicknamed him "the diplomat," because he had such a gift for getting along with people, resolving disputes, analyzing situations, and setting goals. Undeserving interlopers simply couldn't make the cut and wouldn't be offered a spot in our orchestra. He always helped me out. Nowadays, the Mariinsky Theatre is a huge, diverse organization that holds tons of concerts every year. Back in the day, having one or two performances was a big deal. I was stunned at how collected and resilient he was when our version of *Evgeny Onegin* premiered at the Semperoper in Dresden. He had played so much in his youth that his technique never faltered when the pressure was on. Tatiana's letter is a key scene in *Evgeny Onegin*. She says, "I know not how to begin." We had a running joke about it and we even wrote, "I don't know, either," on our sheet music, because you have to hit a ludicrously low note, dropping all the way down to a diesis; it sounded like a pool cue scrapping against the table on a missed shot. Performing it is like being lined up in front of a firing squad. You need to have steady nerves and a lot of experience to pull it off; Slava had both...

He was a true professional, possessing a keen ear for music and extensive knowledge of chamber, opera, and symphonic repertoires; in other words, he was a walking encyclopedia. People often called him up, looking for advice and relying on his experience to make decisions.

On a purely personal level, you could always count on him—if he said he'd do something, it would get done.

I remember how much he cherished sheet music. One time he invited me over and showed me his whole collection. I started flipping through it, studying each sheet. I was absolutely stunned by how many of them he'd written out by hand.

He watched over us for years. We had him, but who did he have? Sometimes it seemed as though he needed the orchestra a little more than he let on. Slava called me once (he hadn't picked up his oboe for a while by that time) and said that he was paying some revered members of the community a visit. There was no point in getting them any presents because they'd already been given everything imaginable, so he decided to surprise them with some music. "Gimme that oboe over there," he said. I handed it to him; he went on over to their place and played them a concert of Cimarosa, even though he hadn't practiced in a long time. That's just who he was—he could sit down and great music would just come pouring out of him. He was a true master of the oboe trade.

Игорь Роголёв

профессор Санкт-Петербургской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, композитор, заслуженный деятель искусств РФ

Конец 80-х – начало 90-х годов. В стране свирепствует кризис. Все, от мыла до выпивки, – по талонам, да и те отоварить можно с большим трудом. Из Европы поступает гуманитарная помощь в виде продуктов и одежды. Я щеголяю во французском пиджаке из «гуманитарки» вполне приличного вида. Хожу по городу с микрофоном в руках – по договоренности с ленинградским радио готовлю программу об уличных музыкантах.

В подземном переходе, на пересечении Садовой и Невского, иду на звуки сонаты Баха. Вскоре вижу исполнителя. Это студент консерватории с огромной копной рыжих волос. Завидев меня и узнав, он нисколько не стесняется и продолжает играть. В раскрытый футляр у ног музыканта прохожие складывают скромные пожертвования. Наконец, он заканчивает. Я включаю микрофон:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Скажите, как чувствует себя профессиональный музыкант, причем, высокого класса, стоя в переходе и играя Баха?

Ответ этого парня я запомнил на всю жизнь. Он смотрит на меня и, улыбнувшись, сообщает:

– Ну, кто-то же должен заниматься бахизацией окружающей среды!

Мне кажется, Слава Лупачёв, фигурально выражаясь, занимался тем же. Он играл не только Баха. Слава переиграл много сочинений как советских, так и европейских композиторов, блестяще исполнял классику. И все, чем бы он ни занимался (а он оказался, кроме того, блистательным менеджером), я бы отнес к тому, о чем мне сказал тот паренёк в подземном переходе, – к «бахизации окружающей среды». Делал Слава это здорово, с увлечением, мастерски, профессионально, заражая всех, кто был с ним. Не случайно в начале 90-х, если я не ошибаюсь, создаваемый им ансамбль солистов Мариинского театра с огромным успехом выступил на одном из самых престижных фестивалей мира – Эдинбургском.

Мое знакомство с Лупачёвым происходило, я бы сказал, длительно и постепенно. В Союз композиторов на одну из секций пришел высокий красивый человек с гобоем в руках. Я не помню, что он исполнял, но мне показалось, что играл он гораздо лучше, чем была сама музыка. К выступлениям такого рода Слава всегда подходил очень ответственно, и даже репетиционные, черновые, приблизительные демонстрационные показы в

Igor Rogalev

Professor at the N.A. Rimsky-Korsakov Conservatory
Composer, Honored Artist of Russia

It's the late '80s, early '90s. An economic crisis is raging all over the country. Everything—from soap to booze—is rationed, and even getting your hands on those ration cards isn't easy. Europe is sending humanitarian aid—foodstuffs, clothing, and the like. I'm sporting a pretty fancy suit jacket sent from France. I'm walking around the city, microphone in hand, gathering material for an upcoming radio special on street musicians.

I make my ways towards the sound of a Bach sonata rising from the the underground pedestrian walkway on the corner of Nevsky and Sadovaya. It doesn't take me long to see the performer, a conservatory student with a huge, sprawling mop of red hair. He recognizes me immediately, yet continues playing, unfazed. Passersby place modest donations in an open case at his feet. Eventually, he finishes up. I switch on the microphone.

"Good evening."

"Good evening."

"How do you, as a professional musician, and a first class one at that, feel about performing Bach on the street?"

His answer has stuck with me for my whole life. He looked at me and said, smiling: "Well, someone has to Bach this city up!"

That was what Slava Lupachev spent his whole life doing, figuratively speaking, of course; he didn't just play Bach. Slava performed many pieces by Soviet and European composers and also played the classics marvelously. I'd say that everything he did (he wound up being an amazing manager, too) was part of his grand campaign to "Bach up the city." Slava was great at that, demonstrating incredible skill and professionalism and really firing up the people around him. It's no coincidence that in the early '90s, or thereabouts, his ensemble of principal players from the Mariinsky Theatre was a smashing success in Edinburgh, at one of the most prestigious music festivals in the world.

I'd say that my longstanding relationship with Lupachev evolved gradually. A tall, handsome young man, oboe in hand, showed up at one of the sessions held by the Union of Composers. I can't remember what he played, but it seemed as though he "outplayed" the piece. Slava always took such performances very seriously, and even his rehearsals, practice runs, and rough versions of shows sounded nearly flawless.

One time, after we'd become much closer, Slava told me about their upcoming trip to Edinburgh. By that time, I'd been working as a volunteer advisor to

Уважаемый товарищ!

Совет Дома композиторов
приглашает Вас
в понедельник,
28
марта 1988 года
на
В Е Ч Е Р

МУЗЫКИ ДЛЯ ГОБОЯ

ПРОГРАММА:
I отделение
Г. КОРЧМАР — Трио-соната для двух
гобов, виолончели и
челоббало (первое исполнение)
Allegro
Adagio
Allegro
С. ГУБАЙДУЛИНА — «Сад радости и печали» для
флейты, альты и арфы
II отделение
А. ЗАТИН — Концерт для гобоя,
клавесина и ансамбля
солистов (первое исполнение)
Allegro
Andante sostenuto
Allegro vivace
С. СЛОНИМСКИЙ — Концерт для гобоя и
камерного ансамбля (первое исполнение)
Andante
Vivace
Исполнители:
Ансамбль солистов Государственного
Академического театра
оперы и балета им. С. М. Кирова
А. ВАСИЛЬЕВ (скрипка)
Н. РАХМИЛЕВИЧ (скрипка)
заслуженный артист РСФСР
О. БАЛАБИЙ (альт)
лауреат Всесоюзного конкурса
О. СТОЛПНЕР (виолончель)

Программа концерта «Музыка для гобоя» в Ленинградском Доме композиторов
The Concert Program «Music for Oboe» in the House of Composers. Leningrad

В. Лупачев, А. Уткин, Г. Корчмар. Концерт в Доме композиторов
V. Lupachev, A. Utkin, G. Korchmar. Concert in the House of Composers

его исполнении выглядели практически совершенными.

В начале 90-х годов группа музыкантов Мариинского театра, возглавляемая Вячеславом Лупачёвым, возвращалась из финского города Кухмо. Путь лежал через маленький карельский городок Костомукша, который по существу является крайней точкой Российской Федерации в этом направлении – сорок километров до границы. И музыканты дали концерт для жителей города. Я затрудняюсь описать эффект, который произвело их выступление. Артисты такого класса в этих местах отродясь не бывали. Тот первый концерт имел огромный успех, и директор местного комбината предложил Славе организовать такие встречи для жителей Костомукши и ее гостей на регулярной основе. Так было положено начало, я думаю, одному из самых удивительных, красивых и ярких музыкальных мероприятий в нашей стране – Фестивалю камерного искусства в Костомукше.

Слава создал совершенно незабываемую атмосферу: теплую, дружескую и вместе с тем взыскательную. Этот фестиваль поднялся на высочайший уровень: в нем принимали участие Ольга Бородин, Дмитрий Хворостовский, София Губайдулина, Сергей Ролдугин, Ирина Соболева, Александр Морозов и другие выдающиеся исполнители мировой сцены. Для занятий и репетиций предоставлялись все возможности. Со временем в рамках фестиваля образовалась музыкальная академия, куда со всех концов планеты съезжались студенты. С ними занимались приглашенные в Костомукшу музыканты. Душой фестиваля был Слава.

А организация этого мероприятия даже физически была довольно обременительна. Каждый день проходило по два концерта, все заканчивалось часов в десять – половине одиннадцатого. После этого для участников и почетных гостей обязательно устраивалась сауна на берегу озера. И на каждом таком мероприятии должен был присутствовать Слава. Дипломаты называют это «работать печенью». Слава «работал» неустанно и самоотверженно.

Однажды после сауны, организованной вслед за очередным концертом, в котором принимал участие великолепный коллектив – брасс-квнтет, если я не ошибаюсь, из Калифорнии, около трех часов ночи меня, как и всех остальных, везли в коттедж на ночевку. В машине Слава с какой-то подозрительной улыбкой обратился ко мне: «Старик, а мог бы ты сочинить пьесу для этих ребят? У них

the artistic director and chief conductor of the Mariinsky Theatre on all matters relating to festivals, so I had the pleasure of seeing Lupachev in action. In my opinion, Gergiev never had such a faithful, committed, and efficient assistant. Slava's loyalty to his friends was one of the most remarkable things about him. No matter what happened, he always gave people credit for the work they did, even if they eventually decided move on. Slava would never stoop to saying anything nasty to those leaving the theatre. As Gergiev's advisor, assistant, and then deputy director, he was astonishingly effective, meticulous, and loyal.

At the beginning of the '90s, a group of musicians from the Mariinsky Theatre, led by Mr. Lupachev, was on its way home from the Finnish city of Kuhmo. Their route took them through the small Karelian city of Kostomuksha, essentially the most remote settlement at the northwestern tip of Russia, just forty kilometers from the border. The musicians held a concert for its residents. I find it hard to describe the effect that performance had on them. Musicians of that caliber had never ventured out to their city before. That first concert was a remarkable success, and the director of a local factory suggested that Slava organize concerts for the residents of Kostomuksha and visitors from neighboring towns on a regular basis, which laid the groundwork for what I consider one of the most beautiful and dazzling musical events in our country—the Festival of Chamber Music in Kostomuksha.

Slava created an absolutely unforgettable atmosphere, making sure that the event had a warm, friendly, yet sophisticated feel to it. The level of talent involved was remarkable: Olga Borodina, Dmitri Hvorostovsky, Sofia Gubaidulina, Sergei Roldugin, Irina Soboлева, Alexander Morozov, Boris Tishchenko, and many other outstanding, world-class performers. They were given whatever they wanted for their classes and rehearsals. The festival gradually evolved into a musical academy for students from all over the world. The performers visiting Kostomuksha worked with these young musicians. Slava was the heart and soul of that festival.

There was so much involved in organizing this event that it was physically exhausting. There were two concerts a day, and the festival would be in full swing until ten or ten thirty at night. Then the organizers would fire up the sauna on the shore of Lake Kontoki for the participants and guests of honor. Slava had to attend every single part of the festival. In international circles, this kind of work has been called

завтра концерт». Сначала я промышал что-то неразборчивое, но потом сообразил, как можно отвертеться: «Нотной бумаги-то нет, Славущка! Я бы рад. Легко! Но нотной бумаги, понимаешь, нету!». Эх, не поймал я его взгляда в ответ на мои слова!

Меня привезли в домик, и я уже, было, приготовился ко сну, как вдруг в окно постучали. Подойдя, я увидел совершенно счастливую улыбку Лупачёва: к оконному стеклу он приложил лист нотной бумаги и показал мне пять пальцев. Оказалось, что таких листов – пять. Мне сложно себе представить, где он раздобыл эту бумагу, тем более, что на часах – половина четвертого! Но я должен был отвечать за свои слова, и вместо освежающего сна, который был так необходим моему измученному сауной организму, принялся за сочинение, проклиная себя, свое согласие, Славу, ноты – словом, все, что только можно было проклинать. В итоге на следующий день я притащил ребятам на репетицию две пьесы, которые они сыграли на концерте. И в этом – весь Слава. Он умудрялся добиваться необходимого, как ему казалось, результата, но при этом никогда не давил, не прессовал человека. Слава умудрялся вовлечь в игру всех, с кем работал. Он мог превратить в союзников всех, с кем ему приходилось общаться, кто был объединен с ним единой целью.

Я видел Славу и в административном качестве. Его работоспособность была совершенно потрясающей! Мне кажется, он работал круглые сутки: с утра в отведенном ему кабинете, после этого, по обыкновению, шел на репетицию с Гергиевым или на встречу с кем-то из людей, так или иначе связанных с творческой составляющей Мариинского театра. Затем у Славы начинались бесконечные проработки со специалистами, занятыми в хозяйственной сфере. Особенно много появилось проблем, когда велось строительство нового здания. Мне казалось, Слава всегда был в форме, хотя по его глазам порой было видно, как он неимоверно уставал.

В какой-то момент исполнительство перестало играть главную роль в жизни Лупачёва (я имею в виду его участие в оркестре как солиста). По правде сказать, музыкант такого класса, такого уровня, такого таланта, такого масштаба, такой эрудиции и такого профессионализма, конечно же, был бы украшением любого (я это подчеркиваю) оркестра в мире. На мой взгляд, внутренняя неудовлетворенность оркестровым исполнительством толкала Лупачёва вперед. Бесспорно, его потенциал

“liver diplomacy,” and Slava was an indefatigable diplomat who spared himself nothing.

One time, after a session in the sauna following yet another concert—a fabulous brass quintet from California performed—we were all driving back to my cottage for the night, and Slava was next to me in the back of the car. He leaned in towards me, smiling conspiratorially and saying, “hey buddy, could you write a piece for these guys? They have a concert tomorrow.” At first I simply muttered something meaningless, trying to think of how to weasel my way out of it. “Look Slava, I’d be more than happy to... it’d be easy as pie, but the thing is I don’t have any music paper. Really, not a single sheet.” It’s a crying shame it was too dark to see the look on his face when he heard me try that cop out!

We got home. I had just gotten ready for bed when I heard a knock on my window. I walked over, only to see Lupachev’s exuberant smile—he pressed a sheaf of music paper up against the glass and held up five fingers... he had five sheets. It’s hard for me to imagine how he’d even gotten his hands on them, especially considering it was pushing four o’clock in the morning! But I had to be true to my word, and instead of enjoying a rejuvenating night’s sleep, which my aching body badly needed after a grueling session in the sauna, I got down to writing, cursing Slava, myself for agreeing to all this, and the notes in front of me—pretty much everything that someone could conceivably curse. When all was said and done, I carted myself down to their rehearsal and gave them the two pieces they played the next day at the concert. This whole situation was classic Slava! He was able to achieve the results he needed without ever pressuring anyone or twisting their arm. Slava managed to get all his colleagues involved in his little game; as long as they had a common goal, he could turn anyone into an ally.

I saw what Slava could do in his capacity as an administrator. His ability to work around the clock was absolutely amazing! He’d begin every day in his office, after that he’d usually make his way over to a rehearsal with Gergiev or meet up with one of the people involved with the more artistic side of the Mariinsky Theatre, and then he’d work through problems with the technical staff; since we were constructing a new building, there was never any shortage of those. It seemed as though Slava was always firing on all cylinders, although at times his eyes would hint that he was fighting through incredible fatigue.

исполнителя и артиста был гораздо выше, чем потенциал даже очень хорошего, очень высококлассного оркестрового музыканта. Наверное, его тяготила необходимость сидеть в оркестровой яме, но такой блистательный солист, по моему мнению, должен быть на сцене. Сколько музыки он сыграл! Причем очень часто она писалась специально для него! И здесь раскрывалось еще одно невероятное и очень важное качество Славы – творческая ответственность.

Перед поездкой в Эдинбург ансамблю солистов Мариинского театра Геннадия Банщикова и мне были заказаны сочинения. Третьим автором, по-моему, предполагался Лепо Сумера, которого неоднократно пытались вытащить на разговор, чтобы предложить принять участие в сочинении музыки. К сожалению, он так и не ответил. Это было время, когда Эстония обретала самостоятельность, и, видимо, это обстоятельство мешало Лепо принять предложение Лупачёва и Мариинского театра.

Свою пьесу я писал довольно долго, представляя себе потенциал конкретного коллектива исполнителей. Когда уже, законченную, я сыграл ее Славе, она, по его словам, ему понравилась. Но у Славы был ряд предложений, касающихся прежде всего собственно техники исполнения, и не только на гобое. После того, как на репетиции мы прошли мой первый вариант, я, сделав многое из того, о чем он просил, принес исправленную партитуру на следующую репетицию. Тогда выяснилось, что большинство Славиных соображений оказалось совершенно правильным, но некоторые замечания (это касалось формы) были, в общем, излишними, и Слава, послушав и поиграв, сказал мне: «Знаешь, старик, давай вернемся к тому, что у тебя было. Это мы меняем, это мы меняем, а вот здесь, давай, оставим».

Я видел, что Лупачёв «дергался» и волновался перед поездкой. Безусловно, Банщиков – имя апробированное, он мощнейший композитор, а Рогалёв – существенно моложе и малоизвестен. По дороге в Эдинбург музыканты заехали в Дуйсбург на фестиваль, где они должны были играть всю эту программу. В день отъезда Слава был заметно озабочен и внутренне напряжен, но старался не подавать виду. Мы расстались очень тепло, обнялись, и они улетели.

Спустя два дня около двенадцати часов ночи у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил Лупачёв, который буквально звенящим голосом,

Eventually, actual musical performances, i.e. performing in the orchestra as a principal player, receded to a secondary role in Lupachev’s life. There’s no denying that a world-renowned musician of that caliber and stature, possessing such talent, erudition, and professional skills, clearly would have been an asset to any, and I mean any, orchestra. In my opinion, it was Lupachev’s internal dissatisfaction with his performances that pushed him forward. It’s indisputable that his potential was much higher than that of even the very best orchestra musician. Sitting in the orchestra pit probably wore him down over the years. I think a superb principal player like that should be up on the stage. He really could play it all! Composers would often write pieces just for Slava, and on those occasions he would always reveal one of the most important aspects of his remarkable personality—an intense sense of his responsibility as a performer.

Before the trip to Edinburgh, Gennady Bانشchikov’s ensemble of principal players and I were commissioned to write some pieces. As far I can remember, Lepo Sumera, whom the theatre had been courting for quite some time in the hope that he would write some music, was supposed to be the third composer. Unfortunately, he never wound up responding to their requests. Estonia was asserting its independence, and it was apparently the associated political issues that kept Lepo from accepting Lupachev and the Mariinsky Theatre’s offer.

It took me a while to write my composition, as I was trying to gauge the talent of the musicians set to perform it. I played the whole piece for Slava, who said he enjoyed it, but still made numerous comments regarding the actual technique it would require—and not just for the oboe players. After we ran through my first version at rehearsal, I tweaked it based on Slava’s recommendations and brought a revised version to the next rehearsal. It turned out that most of Slava’s recommendations were absolutely spot on, but some, mostly the ones on its form were a bit over the top. After listening and playing through the piece one more time, he said to me, “you know, buddy, let’s go back to the way you had it. We’ll change one or two things but keep the rest.”

I could tell Lupachev was on edge before the trip. Obviously, Bانشchikov was a known quantity, and an incredibly gifted composer, but Rogalev, on the other hand, was significantly younger, so there was an element of unpredictability. On the way to Edinburgh, our musicians stopped by Duisburg for a festival where they were supposed to perform the whole program.

С. Ролдугин (фестиваль в Костомукше, 1990)
S. Roldugin (Festival in Kostomuksha, 1990)

В. Лупачев, М. Евтич (фестиваль в Костомукше, 1990)
V. Lupachev, M. Jevtich (Festival in Kostomuksha, 1990)

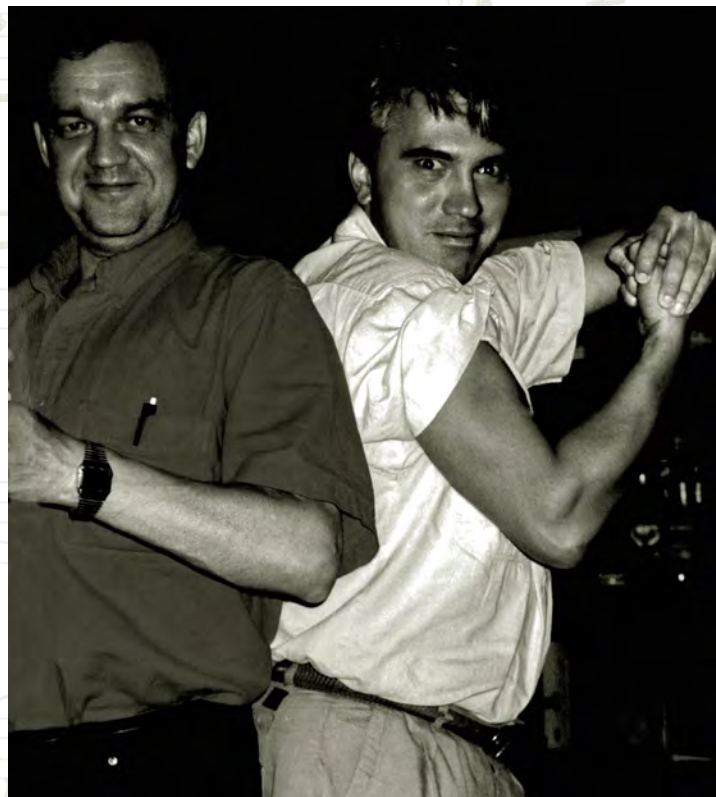

А. Морозов, И. Соболева (фестиваль в Костомукше, 1990)
A. Morozov, I. Soboleva (Festival in Kostomuksha, 1990)

И. Рогалев. (фестиваль в Костомукше, 1990)
I. Rogalev. (Festival in Kostomuksha, 1990)

В. Лупачев, Д. Хворостовский
V. Lupachev, D. Hovorostovskiy

С. Губайдулина, В. Лупачев
S. Gubaidulina, V. Lupachev

В. Лупачев, А. Торадзе
V. Lupachev, A. Toradze

Р. Щедрин, В. Лупачев
R. Shchedrin, V. Lupachev

по которому я сразу понял, что Славка выиграл, объявил: «Ну, старик, я тебя поздравляю! Ты теперь герой немецкого народа! Они после этой твоей штуки («Если бы Шуберт читал газету «Правда») повскакивали с мест, топали ногами, свистели, вопили и требовали биса!». Разумеется, как автору мне было это приятно, но главное, я понял, что Слава, сделав ставку на сочинение малоизвестного для немцев автора, – а кроме моего сочинения в программе еще были Камерная симфония Попова (потрясающая музыка!), септет Глинки и «Телефонная книга» Банщикова (очень живое и яркое сочинение), – радовался не только нашему общему успеху, но и тому, что его проект, в котором он шел на известный риск, принес победу.

В последние годы так получилось, что и у Славы была огромная нагрузка, и у меня – спрессованное расписание. Но один раз мы все-таки встретились. В то время пришедшая в Мариинский театр Анна Альбертовна Кучерова задумала просветительский проект для детей, в котором я с большим удовольствием принял участие. Слава был безумно занят, потому что это было время каких-то очередных пертурбаций в театре. Тем не менее, он провел всю мою встречу с детьми. После он подошел ко мне, и опять, в который раз, Славины слова и советы оказались не только уместными, но и чрезвычайно полезными.

К сожалению, вскоре после этого Славы не стало. Я пришел в театр на прощание с ним. Почтить его память собралось огромное количество народу. Я подумал, что никакие официальные мероприятия не могли бы создать столько людей, так переживавших уход человека. Слава не был ни политическим, ни общественным деятелем в традиционном, официальном смысле. И в том горе, которое объединило всех собравшихся тогда в Мариинском театре, я увидел, если угодно, знак свыше: такое стечение людей, собравшихся проводить Славу в последний путь, не могло быть организовано по приказу. Люди, много людей, пришли проститься с человеком, которого они любили, ценили и уважали, и для них эта потеря – огромная, невосполнимая, ничем не закрываемая образовавшаяся в их жизни пропасть.

Я очень люблю Славу и счастлив, что ряд моих работ связан с его именем, создан по его инициативе и одобрен им.

On the day of our departure, Slava tried not to show how tense he was. We hugged, said some heartfelt goodbyes, and they got on the plane.

Two days later, around midnight, I was awakened by the telephone. It was Lupachev, his voice ringing with joy. I instantly knew that he had won. “Well, pal, congratulations are in order! You’re a big deal in Germany now! They were jumping out of their seats, stomping their feet, whistling, cheering, and demanding an encore after that piece of yours (*If Schubert Read Pravda*).” Naturally, as the composer, I was glad to hear that, but most importantly, I realized that Slava, who was banking on the success of a piece by a composer who was unknown in Germany at the time, was delighted by our overall success. Keep in mind that Popov’s *Chamber Symphony* (amazing music!), Glinka’s septet, and Banshchikov’s *The Telephone Book* (a very lively and striking composition) were performed too. He had taken a risk and seen it pay off!

Slava had an enormous workload in the last few years, and my schedule was packed too, but I do recall one time when we managed to get together. At that point, Anna Kucherova, who’d just joined the Mariinsky Theatre, conceived of an educational program for children. I was more than happy to help out. Slava was insanely busy because everything was up in the air at the theatre, yet again, but he was still willing to take on the job of coordinating my whole meeting with the children. We walked together afterwards, and once again Slava’s advice was spot-on.

Unfortunately, Slava left us shortly thereafter. I came to the theatre to say goodbye to him. An enormous group of people had gathered to honor his memory, and I found myself thinking that no official event could have brought some many people together in sincere mourning. Slava didn’t hold any kind of government office, nor was he a public figure in the traditional sense. I saw all those people united by grief at the Mariinsky Theatre that day as a sign from above, if you want to call it that. This wasn’t something that you could have organized from the top down, it was just people coming to Petersburg of their own volition to pay their respects. Just people, a lot of people; they came to say goodbye to someone they loved, valued, and respected, and whose passing had created an enormous void in their lives that simply could not be filled, or closed. I really love Slava, and I’m glad that so many of my projects were associated with him, created by him, or approved by him.

Александр Раскатов

композитор
(Франция)

13 марта 2015 года я был просто ошарашен новостью об уходе из жизни моего старинного друга Славы Лупачёва. Особенно потрясло то, что два года назад, день в день, – 13 марта 2013 года – Слава, его супруга Лена и дочь Кристина приехали в Милан, чтобы послушать в Ла Скала мою оперу «Собачье сердце», постановка которой стала для меня большим событием: не каждому автору удается такое в жизни пережить. А мне посчастливилось, и Слава разделил со мной эту радость, прилетев в Италию.

Я до сих пор с огромным удовольствием вспоминаю вечер, который мы с ним провели в театре, а потом в ресторанчике...

Со Славой мы познакомились в музыкальном училище в Москве. Я был помладше, он постарше – такой молодой красивый брюнет с гобоем, но общались мы с ним тогда мало. Позже, когда мы оба уже учились в Московской консерватории, наша дружба стала теснее. Все началось с того, что мой педагог – профессор, заведующий кафедрой композиции Альберт Леман и педагог Славы – Михаил Оруджев, которые общались между собой, решили «втривать» нас со Славой в очень смешную историю, сделав ответственными работниками службы МОМА. Смысл нашей работы заключался в том, что мы должны были посещать кинотеатры, рестораны и проверять, как там начисляют авторские гонорары на песни советских композиторов. Профессор Леман предупредил меня: «Смотрите, не напивайтесь за казенный счет, а то у вас могут быть неприятности». И вот мы со Славой в ресторане, где играет эстрадный оркестр, скромно заказали по салатику, еще какое-то недорогое блюдо, а потом подошли к музыкантам и представились. Видим, им буквально стало плохо: они-то нас восприняли как важных шишек, а мы и не догадывались об этом. Музыканты пытались нас угостить, но мы помнили про предупреждение Лемана и ничего себе не позволили. Потом мы долго смеялись, вспоминая этот эпизод.

Год спустя, в 1975 году, я уже на творческой почве познакомился с Лупачёвым. Мой профессор попросил меня что-нибудь написать для Славы. И я сочинил «Маленький триптих для гобоя соло», который позже опубликовали в издательстве «Советский композитор», – одно из самых ранних моих произведений, ведь мне было всего 22 года! Слава потом его играл в Малом зале консерватории и очень был тронут посвящением и его публикацией... Как только мы этот триптих впоследствии

Alexander Raskatov

Composer
(France)

The news that my old friend Slava Lupachev had passed away stupefied me. The fact that exactly two years before his death on March 13th, 2015, he and his wife Elena and daughter Kristina had come to Milan’s La Scala to listen to my opera *Heart of a Dog* shook me up even more. Having my piece performed on stage was a key milestone for me, since not all creators live to see that. I was quite fortunate, and Slava flew to Italy to share this experience with me. I still relish remembering the joyful evening we spent together at the theatre and then at a restaurant...

Slava and I met at music school in Moscow, though we didn’t talk much at the time. I was a bit younger than him; he was a handsome, brown-haired guy who always had his oboe with him. Later on, when we were both studying at the Moscow Conservatory, we formed a much stronger bond. Albert Leman, my teacher and the head of the department of composition, and Mikhail Orudjev, Slava’s teacher, who were good friends, roped us into working for the Moscow Museum of Modern Art. Our job description entailed going to movie theatres and restaurants and checking to make sure they were paying Soviet composers royalties for playing their music. Professor Leman warned me “just make sure you’re not getting drunk on the government’s dime. That could get you into some real trouble.” Slava and I were sitting in a restaurant, listening to a dance orchestra. We ordered a modest meal and then went over to introduce ourselves to the musicians. We could tell they weren’t feeling too hot after talking with us; we had no clue what had gotten into them. It turned out they were under the impression we were some kind of Party bigwigs—they were scared stiff! The musicians tried offering us a drink, but we heeded Leman’s warning and decided not to indulge. Every time we’d reminisce about that job we’d start cracking up!

A year later, in 1975, I was lucky enough to interact with Lupachev on a creative basis. My professor asked me to write something for him. I composed *A Little Triptych for Oboe Solo*, which was eventually published by *Soviet Composer*. It was one of my earliest pieces—I was just twenty-two at the time! Slava played it in the Small Hall of the conservatory, and he was very touched that I had written the piece especially for him and subsequently had it published... We called that triptych by all sorts of nicknames afterwards, the most memorable of which was “little trip-tease”. Our project had a backstory, too. Slava was always open to exploring new things, despite the fact that the Moscow Conservatory wasn’t ex-

В. Лупачев - благодарностью за исполнение
 в Москве, Ленинграде, Перми, ...
 и Казани, что это не последнее мое
 сочинение, сыгранное им (Сchnittke's Concerto for Oboe, Harp and String Orchestra)
 ИИ

alfred schnittke
konzert für oboe, harfe und streichorchester
partitur
ue 15125
universal edition

А. Шнитке – авторский концерт (афиша) И. Иванов, А. Шнитке, В. Лупачев (п. Репино). Партитура Концерта А. Шнитке для гобоя, арфы и струнного оркестра с благодарностью за исполнение
 A. Shnitke – Recital (poster) A. Ivanov, A. Schnittke, V. Lupachev (Repino). Score Alfred Schnittke's Concerto for Oboe, Harp and String Orchestra with gratitude for performance

не обзывали, вплоть до «маленького триппера» – изощрялись в шуточках. А всему этому предшествовала одна история. Дело в том, что Слава всегда был открыт всему новому, а Московская консерватория считалась тогда консервативным учебным заведением, но только не для него. Помните, Слава, учась в ней, увлекся новыми способами игры на деревянных духовых инструментах, в частности гобое, даже сумел где-то раздобыть редкую книгу Бартолоцци о новых приемах игры на гобое и демонстрировал их в классе консерватории.

Эта его страсть к новым открытиям влияла и на меня: я тоже в своем триптихе использовал необычные звуки, которые, как сказал Слава, за всю историю Малого зала впервые прозвучали во время его игры. А до этого он был первым исполнителем важнейшего сочинения Альфреда Шнитке – «Концерта для гобоя, арфы и струнных». Думаю, Лупачёв чуть ли не единственный музыкант в Советском Союзе, кому Шнитке доверил исполнение своего произведения, в котором было много необычных новаций. Слава сыграл его в Доме композиторов, и это стало сенсацией. Извините за каламбур, но тогда Слава прославился, и этим исполнением забронировал себе место в истории советского исполнительского искусства.

Слава был человеком исключительно творческим: во все, за что он брался, он вкладывал частичку своей души. Мне, конечно, трудно оценить его успехи в Мариинском театре в качестве менеджера, устроителя многих проектов, но хочу сказать, что он всегда отличался креативностью, энтузиазмом и никогда не подходил к чему бы то ни было формально. Он был человеком долга, но не бездушным, а одухотворенным, вообще был широким человеком и умел дружить. Иногда мы сами на себя надеваем вериги, часто не можем слова лишнего сказать, бурно выразить свои эмоции. А Слава, приехав в Москву из Сибири (этого огромного пространства, на котором человек человеку действительно становится другом, что, без сомнения, оформило его характер), навсегда остался по-настоящему открытым, с исключительно дружелюбным отношением к тем, кого он выбирал по жизни.

Он часто вспоминал Сибирь, рассказывал о друзьях юности, как навещал свою маму. И всегда был благодарен тому краю, где появился на свет и где сформировался его целеустремленный характер. У Славы всегда была цель, к которой он шел,

actually a progressive institution at the time. I can recall Slava taking an active interest in discovering some new techniques for playing woodwinds, the oboe in particular. He even got his hands on a rare book by Bartolozzi that detailed new ways of playing the oboe and demonstrated them during a class at the conservatory.

His passion for discovering new things had a profound effect on me, too. I used some unusual sounds—which Slava said had never been played in the history of the Small Hall—in my triptych. Before that, he was the first person to perform Alfred Schnittke's *Double Concerto for Oboe, Harp, and String Orchestra*. I think that Lupachev may have been the only musician in the Soviet Union whom Schnittke entrusted with performing such an important, innovative composition. Slava's performance at the House of Composers was sensational. He made a name for himself, securing a place in the history of Soviet performing arts.

Slava was exceptionally creative; he put a piece of his soul into everything he did. Obviously, it's difficult for me as a composer to evaluate his work at the Mariinsky Theatre as a manager and project coordinator, but I can definitely say that he had a special spark that set him apart from everyone else. His enthusiasm was remarkable; he was never just going through the motions. He honored all of his commitments, certainly, but he did so with genuine vigor. He had an expansive and inviting personality and a knack for making friends. Sometimes we fetter our emotions, afraid to lose control of them for one reason or another, but Slava was never like that. Even after he left Sibera—that vast space where people truly embrace each other, which had an inedible effect on his personality—he was still open-hearted and exceptionally friendly with the people with who he chose to spend his life.

He often reminisced about Siberia, telling stories about visiting his mom and his childhood friends. He always appreciated the land where he'd taken his first steps, the land that had taught him perseverance. Slava always had a clear goal in mind and pushed himself hard to achieve it. In many ways, it's easier for Muscovites to make their way in the world; the capital affords them more opportunities. Fate hadn't been easy on Slava, so he had learned to use his mind, talents, and incredible work ethic to achieve success.

Lupachev wasn't just an oboe player; he was a top-notch musician all around and he had flawless taste. He always chose the right words whenever he weighed in on new compositions, not to mention

и он достигал ее. Москвичам проще, они избалованы столицей, им в чем-то легче жить, а Слава не был обласкан жизнью и привык всего добиваться своим умом, трудолюбием, талантом.

Лупачёв не был просто гобоистом, это большой музыкант, обладающий безошибочным музыкальным вкусом, и в оценке новых произведений он всегда находил точные слова, не говоря уже о классической музыке, которую он столько лет играл в оркестре, в оперном театре.

Наши отношения развивались по восходящей. Помню, что в середине 80-х годов я приехал из Москвы в Ленинград, где в Малом зале филармонии должно было исполняться мое произведение «Ночные гимны для фортепиано и камерного оркестра». После многолетнего перерыва в наших отношениях, во время которого Слава поменял Москву на Ленинград, я вновь увидел его: он пришел на концерт и, как мне показалось, был под впечатлением от услышанного. Мы с ним пообщались – это была наша первая встреча на питерской земле...

Потом мне предложили для одного американского музыканта написать концерт для гобоя. Я сочинил, а когда пришло время записывать его на CD, первым делом подумал о Славе. Позвонил ему, попросил приехать в Москву, он согласился. Я прислал ему ноты, и Слава сказал, что «Концерт» показался ему сложным, но он его все равно запишет. И вот я встречаю его на Ленинградском вокзале, везу домой обедать, но мы заболтались настолько, что минут на 15 задержались. Приходим на запись, а менеджер сообщает: кто опаздывает, тот платит денежный штраф. И хотя мне пришлось раскошелиться, мы потом долго смеялись. Слава записал этот очень трудный «Концерт», которым дирижировал замечательный музыкант Юрий Николаевский. Через много лет произведение увидело свет, и я очень рад, что такой скромный памятник нашей дружбе существует как документ. И, несмотря на то, что написал «Концерт для гобоя» я по заказу американца, а посвятил его также Славе, который открыл для меня богатство и красоту этого музыкального инструмента, его возможности, душу.

Последним моим даром Славе была... шутка. Когда в 2010 году Славе исполнилось 60 лет, я был в Лондоне, где проходили репетиции моей оперы, и не мог приехать на его юбилей. Слава уже на гобое не играл – занимался другими делами. И я ему сказал: «Знаешь, ты хоть на инструменте и не играешь, но ноту ля, которую гобой всегда дает

classical music, which he'd been playing in orchestras and the opera theatre for decades.

The strength of our bond increased geometrically over the course of many years. I remember seeing him when I came to Leningrad, to the Small Hall of the Philharmonic Society for a performance of *Night-time Hymns for the Piano and Chamber Orchestra* (one of my own pieces), in the mid '80s. We'd been out of touch for a few years by then, since Slava had moved to Leningrad in the interim. He came to the concert and seemed quite impressed by what he heard. We chatted for a bit afterwards; it was the first time we'd ever met in that magical city.

Some time later, I was asked to compose an oboe concerto for an American musician. I wrote it, and when it came time to record the CD, I thought of Slava immediately. I called him up and asked him to come to Moscow. He agreed. I sent him the sheet music, and Slava said that my concerto seemed quite complex, but he was still willing to record it. I met him at the Leningrad Train Station and brought him back to my place for lunch. We were so engrossed in our conversation that we showed up for our recording session fifteen minutes late. The studio manager told us we'd have to pay a penalty for being tardy, like we were still kids in school. Despite having to shell out some cash, we were cracking up. Slava played the *Concerto*, a very tough piece, and Yuri Nikolaevsky did the conducting. My composition finally reached the music community many years later, and I'm very glad that this piece commemorates our friendship, at least in a very modest way. Although it was an American who commissioned me to write *A Concerto for the Oboe*, I dedicated it to Slava, who exposed me to the rich and beautiful flavor of his musical instrument, its capabilities and its unique soul.

The last present I gave to Slava was one big practical joke. In 2010, when he turned sixty, I was in London for my opera rehearsals, so I couldn't make it to his birthday party. Slava no longer played the oboe because he was busy doing other things. One time I said to him, "you know, you don't play much anymore, but you're more than capable of playing 'la', and that's a great note for the oboe. it'll help the orchestra tune up." The oboe is considered one of the most precise instruments; its scales are perfect for pre-concert tuning. I wrote a play called *60 Las* dedicated to Slava. The accompaniment on the piano became more complex with every passing measure. I added funny comments on his life and work for every 'la' and switched to some bizarre avant-garde style for the

для настройки оркестра, ты сыграть в состоянии». Гобой считается одним из самых совершенных инструментов, интонационно он пригоден для предконцертной настройки. Я написал пьесу под названием «60 ля» с посвящением Славе. И в этих шестидесяти нотах ля с каждым тактом фортепиано играет все более сложный аккомпанемент. Я снабдил эти все ля юмористическими комментариями, которые охватывали его жизнь и творчество, и закончил в каком-то жутком авангардном стиле. Я не был на исполнении, но говорят, что шутка произвела огромное впечатление.

С 1994 года я жил в Германии, а потом во Франции, но наша творческая и человеческая дружба со Славой никогда не прерывалась. Иногда мы виделись на международном форуме «Диалоги цивилизаций», общались и по телефону, рассказывали друг другу анекдоты, шутили. В Сибири любят говорить, что 100 рублей не деньги, а 1 000 км – не расстояние. Думаю, для Славы и для меня две тысячи километров между Парижем и Петербургом расстоянием не являлись. Мы всегда помнили друг о друге, до сих пор во мне звучит его голос, и странно, что, набрав номер его телефона, я его больше никогда не услышу. Но, как сказал Лев Толстой: «Смерти нет, а есть любовь и память сердца». И в этом смысле Слава, конечно, не ушел от нас – любовь сохраняется, пока он жив в наших сердцах.

Сочинения, посвящённые В. Лупачеву

- Э. Денисов. Соло для гобоя - E Denisov. Solo for oboe.
- В. Кобекин. Концерт для гобоя и струнного оркестра
- Ю. Корнаков. Соната для гобоя и фортепиано Kornakov
- Г. Корчмар. Трио- соната для 2- х гобоев, виолончели и чемболо
- В. Пальчун. Автопортрет с гобоем (квintет)
- С. Павленко. Концерт для гобоя и струнного оркестра
- А. Раскатов. Маленький триптих для гобоя (соло)
- А. Раскатов. Концерт для гобоя и 15 струнных
- А. Чайковский. Соло-фантазия для гобоя

end. I wasn't there for the actual performance, but I heard this joke was quite a hit.

I moved to Germany in 1994 and then France after that, but our professional and personal ties never faded. We'd sometimes see each other at the Dialogue of Civilizations Forum, chat on the phone, and tell each other jokes. In Siberia, people like saying that 100 rubles isn't too much money and 1,000 kilometers isn't too far. Well, the two thousand kilometers separating Paris from Petersburg wasn't too far for us. We never lost touch. I can still hear his voice in the back of my mind, and it's unsettling to think that I'll never hear it over the phone again... but as Lev Tolstoy once said, "there is no death, but there is love and memory of the heart!" In that sense, Slava hasn't left us, and he never will.

Musical compositions dedicated to Viacheslav Lupachev

- E. Denisov. Solo for oboe.
- Val. Kobekin. Concerto for Oboe and String Orchestra
- Y. Kornakov. Sonata for Oboe and Piano
- G. Korchmar. Trio-Sonata for 2 Oboes, Cello and Chembolo.
- V. Palchun. Self-portrait with Oboe (quintet)
- S. Pavlenko. Concerto for Oboe and String Orchestra
- A. Raskatov. A small triptych for Oboe (solo).
- A. Raskatov. Concerto for Oboe and 15 Strings.
- A. Tchaikovsky. Fantasy for Oboe.